Твоя на 10 дней

Автор:
Матильда Стил

Твоя на 10 дней

Матильда Старр

Даяна Стил

Чтобы спасти близкого человека, мне пришлось обратиться за помощью к жесткому, холодному дельцу. Да, он дал мне деньги. Но взамен потребовал принадлежать ему десять дней. И я не питаю иллюзий. Он открыто сказал, что ему нужно. "Я буду брать тебя когда захочу, где захочу и как захочу". А мне остается лишь подчиниться.

Содержит нецензурную брань.

Глава 1

– Десять дней, – сказал он тоном, не терпящим возражений. – И ни минутой меньше. На десять дней ты поступаешь в полное моё распоряжение. Я могу делать с тобой все, что захочу. Приказывать, что считаю нужным. А ты беспрекословно подчиняешься. Никаких других условий не будет.

Что?.. Это, надеюсь, шутка? Непохоже. С таким лицом не шутят. С таким лицом отдают распоряжения, не сомневаясь, что их тут же исполнят. Я с ужасом смотрела в его глаза. В ледяные синие глаза, настолько холодные, что, казалось, темные полукружья густых коротких ресниц вокруг них вот-вот покроются инеем. А когда-то я считала, что его глаза похожи на теплое летнее море.

Когда-то.

Тысячу лет назад.

В той, другой жизни.

– Что?.. – прошептала я, силясь собраться с мыслями.

Он и не подумал ответить. Ни один мускул не дрогнул на бесстрастном надменном лице. Знакомом до боли и… незнакомом. Совсем незнакомом.

Короткие темные, почти черные волосы, высокий чистый лоб, хмурые брови. Точеный римский нос с небольшой горбинкой, будто высеченные из камня крутые скулы. Четко очерченный рот с упрямо сжатыми губами, крепкий подбородок, отливающий синевой.

Широкие плечи, втиснутые в строгий костюм, застегнутая до последней пуговицы белоснежная рубашка. Небрежно лежащие на столе руки с переплетенными в замок пальцами. Длинными, красивыми пальцами. Как у пианиста.

И едва уловимый запах… Смесь ароматов дорогого парфюма, чистоты, свежести… Запах успеха и богатства…

В дельце, привыкшем получать всё что ни пожелает, я отчаянно пыталась разглядеть того мальчишку, с которым когда-то встречалась.

Встречалась… Тайком выбиралась из дома и гуляла с ним по залитым лунным призрачным светом дорожкам старого парка, держась за такую теплую уютную ладонь… И целовалась в беспросветной тени каждого дерева… До одури, до остановки дыхания, до грохота крови в висках, до странной блаженной истомы…

И обмирала в кольце горячих подрагивающих рук, тонула в его потемневших глазах, в бездонной глубине которых жарко клубилась тысяча и одна ночь вместе с луной и звездами.

А вернувшись домой, не могла уснуть до рассвета. От распирающего душу предчувствия счастья. От чего-то безумно хорошего, что вот-вот наступит. От сладких мыслей о новой встрече уже вечером… И сегодня, и завтра, и… всегда…

Но того мальчишки больше не было. Такие влюбленные сумасшедшие мальчишки не выживают в жестоком суровом мире больших денег. Их или сжирают конкуренты, или сам бизнес перемалывает своими жерновами и выплевывает обратно бездушными, серьезными, холодными акулами. И никакого у тех акул теплого моря с солнечными брызгами в глазах. Там Северный Ледовитый океан и стужа, от которой хочется плакать.

Слова застряли в горле, перехваченном спазмом. Удалось лишь тихо выдавить:

– Я согласна.

– Отлично.

Отлично? Для кого? То, что он предложил… Это немыслимо, безнравственно, чудовищно, унизительно! Но… одним росчерком пера он сейчас даст мне надежду на то, что с мамой всё ещё будет хорошо.

Алекс достал из ящика стола чековую книжку и начал аккуратно, не торопясь, заполнять листок. Сердце колотилось как сумасшедшее. Вдруг он остановился, задумчиво взглянул на меня исподлобья.

– Знаешь, мне кажется, ты не слишком хорошо отдаёшь себе отчёт в том, на что согласилась.

– Почему же… – начала бормотать я, но смолкла.

Вообще-то его предложение было бы сложно истолковать двояко. Или я настолько порочна, что неправильно его поняла? Может, когда он говорил: «…ты поступаешь в полное моё распоряжение, и я могу делать с тобой все, что захочу», то имел в виду игру в догонялки? Или караоке? Или услуги садовника и посудомойки?

Вот уж вряд ли все обстоит так невинно. И речь явно идет про постель. И про то, что с ней хм… связано. Конечно, я не в курсе его предпочтений, да и, честно говоря, меня нельзя назвать опытной. Но он сам захотел… О господи, мне и так страшно даже думать о том, что будет происходить в течение тех десяти дней. А тут еще какие-то намеки…

– Раздевайся, – лениво протянул он.

– Что?.. – ошарашенно дернулась я.

Щеки полыхнули, как от пощечины. Может, я задумалась и не то услышала? Ведь не сказал же он на самом деле…

– Ты прекрасно меня поняла. Раздевайся.

Раздевайся?! Адский коктейль из отчаяния, боли и ярости вскипел внутри, враз заполнил до краев, грозя вырваться наружу и разнести роскошный кабинет и его надменного бездушного хозяина. Заставлять меня раздеваться посреди рабочего дня прямо тут, в офисе, куда в любой момент может кто-то войти? Зачем? Решил осмотреть товар прежде, чем платить за него деньги? Да кто дал ему право обращаться со мной как с уличной девкой?! Впрочем…

Я. Я дала ему все права, когда согласилась. Но…

Нет, такого я, пожалуй, не выдержу. Это выше моих сил. Я не смогу…

К горлу подкатили слезы, и я с ужасом поняла, что еще миг – и жалко разревусь прямо у него на глазах. Нет! Нельзя допустить ничего подобного. Ни за что!

– Не буду, – прошептала я, стараясь не выдать дрожи в голосе.

Развернулась и пошла к выходу.

– Стоять, – тихо скомандовал он.

Очень тихо. Но таким тоном, что я мгновенно остановилась, словно налетела на невидимую преграду. Слезы высохли, на смену отчаянию пришла спасительная

злость. На себя – за непростительную слабость и трусость. На него – за этот невыносимо холодный хозяйский тон.

Я медленно развернулась обратно. Если бы взгляд мог испепелять, на начальственном кресле сейчас бы лежала кучка пепла. Но нет, в кресле сидел он. Невозмутимый, бесстрастный, расчётливый.

– Если ты сейчас выйдешь из кабинета, не выполнив мой приказ, денег не будет. Даже если ты завтра станешь меня об этом умолять.

Я молча стояла, стиснув кулаки так, что ногти впивались в кожу. Боль отрезвляла, спасала. Подстегивала злость, отгоняла слёзы, помогала держать лицо.

– Мы оба с тобой знаем, – продолжал он. – Если ты пришла просить в долг у меня, значит, тебе не к кому больше идти. Так что подумай хорошенько.

Не о чем мне думать. Все уже решено.

Я сглотнула, сделала несколько шагов в его сторону, встала напротив стола и потянулась к пуговицам на блузке.

Глава 2

Двумя днями раньше

– Дженни, ну сколько можно копаться? – прозвенел от дверей веселый девичий голосок.

Маргарет заскочила в раздевалку и покрутилась перед зеркалом, придирчиво разглядывая себя со всех сторон.

– Я же предупредила, что задержусь ненадолго… – пропыхтела я, торопливо застёгивая форменную юбку. – Поеду с мамой, в больницу…

– Твое «ненадолго» давно закончилось! – Маргарет подмигнула мне через зеркало. – Давай, нацепляй радостное выражение на лицо… – она округлила рот буквой «о» и, ни на секунду не переставая говорить, провела ярко-красной помадой по и без того идеально накрашенным губам. – … и быстренько к столам. Там уже гости начинают собираться! – Маргарет поправила воротничок блузки и удовлетворенно вздохнула: – Ну, как тебе моя новая помада?

– Мне? Никак, – улыбнулась я, завязывая форменный кружевной передник, – А тебе идет.

Смуглой фигуристой брюнетке Маргарет шло абсолютно все. Впрочем, с ее внешностью можно было вообще не краситься, ходить в мешке из-под кукурузы и все равно выглядеть сногсшибательно.

– Ух, и набегаемся сегодня… – протянула та и отлипла, наконец, от зеркала, освободив мне место.

Действительно набегаемся. Сегодня наш ресторан закрыт на спецобслуживание. Дорогие клиенты (в буквальном смысле дорогие: ресторан не из дешевых, а уж снять его на целый вечер стоит и вовсе запредельных денег) массово празднуют что-то. То ли у них свадьба, то ли торжественная вечеринка по поводу или без. Впрочем, мне до этого нет никакого дела. Главное, чтобы посуда стояла ровно, да блюда подавались вовремя и в нужной последовательности.

Я пригладила волосы, бросила критический взгляд в зеркало, выскочила из раздевалки, схватила поднос и помчалась на кухню. Вокруг сновали коллеги, быстро, слаженно, без слов понимая друг друга. Да. Чтобы устроиться работать официантом в такое заведение, нужно постараться. И потом не расслабляться ни на минуту.

Те, кто думает, что это простая работа, очень ошибаются.

Двигаться надо шустро, но так, чтобы торопливость была незаметна клиенту. В нужный момент следует оказываться рядом с ним, но не мозолить глаза. Стать бесшумной тенью, ненавязчивым фоном, чтобы у клиентов складывалось впечатление, что всё необходимое появляется само по себе. И так же по волшебству исчезает то, чему исчезать положено: грязные салфетки, тарелки и

прочее…

В кухне я подлетела к тарелочкам с заливным и принялась осторожно составлять их на поднос. Рядом Маргарет наполняла колючим льдом ведёрки с бутылками игристого шампанского.

– Я вот считаю, – важно заявила она, не переставая ловко орудовать совочком, – что отмечать помолвку просто глупо.

Ага, значит, сегодня не свадьба и не торжество, а помолвка. Точно. Что-то такое вроде вчера говорили.

– Это ещё почему? – с любопытством спросила я.

– А потому, что праздновать надо, когда мужчина на тебе уже женился. Окольцевался, так сказать, окончательно и бесповоротно. А пока только обещает, рано радоваться и пить шампанское.

– Логично… – рассмеялась я.

– А то… – кивнула Маргарет и, слегка понизив голос, весело продолжила: – Вот я, например… Если бы каждый раз, как предложение сделают, бокал поднимала… – она округлила глаза. – Ой-ой. Пришлось бы в общество анонимных алкоголиков записываться.

– А что ж замуж не пошла? – поддразнила я.

– Да сходила два раза…

– И как?

– Не распробовала. Надо еще сходить.

Мы переглянулись и расхохотались.

Рядом с бодрой жизнерадостной Маргарет настроение всегда поднималось. И не только у меня. У всех. Даже у самых унылых зануд. Я никогда не видела ее ни грустной, ни обессилевшей. Хотя уставали мы в этом ресторане ужасно. Иногда по вечерам ноги так гудели, что, казалось, и шагу больше не смогу ступить. Но зато и зарабатывали нормально. Зарплата плюс щедрые чаевые – и выходила довольно приличная сумма. А деньги мне были нужны, нужны позарез.

– А жених-то очень даже ничего! – мечтательно протянула Маргарет. – С таким бы я и сама помолвилась… раз несколько.

Она томно вздохнула, отчего ткань блузки на пышной груди угрожающе натянулась.

– Не вздыхай так, – развеселилась я. – А то лопнет еще что-нибудь.

Я водрузила последнюю тарелочку с заливным и, улыбаясь, потащила тяжеленный поднос в зал. Посмотрим, что там за чудо такое, которое даже Маргарет оценила.

Обычно, глядя на клиентов ресторана, она выдавала что-то вроде «Красив. Но женат и блудлив», «Мамочкин сыночек. Замучаешься свекровь в кровати обнаруживать», «Хорош. Но деньги любит больше секса. Кончает, только когда выручку подсчитывает» или «Накачан, строен, сам от себя без ума». Как она это вычисляла, ума не приложу.

Впрочем, имея столь обширный список получивших отставку бойфрендов, Маргарет знала о мужчинах все и видела их насквозь, а потому мало кому удавалось ее поразить до таких вот мечтательных томных вздохов.

Выйдя из кухни, я прошла по небольшому коридору для персонала, выскользнула из-за портьеры в зал и первым делом с любопытством глянула в тот конец стола, где уже сидела помолвленная парочка. Невеста что-то с улыбкой щебетала, жених склонился к ней так, что мне виден был лишь его затылок.

Его затылок…

Сердце дернулось и оборвалось, из мгновенно ослабевших рук едва не выпал поднос.

Алекс!

Странная штука, сердце… Оно узнало его раньше, чем он поднял голову. Раньше, чем глаза успели рассмотреть. Раньше, чем до разума дошло.

Мысли кружились сумасшедшей каруселью, взгляд жадно вбирал в себя мельчайшие детали. А он и правда стал настоящим красавцем. Повзрослел, возмужал, изрядно раздался в плечах. И нисколько не напоминал того мальчишку, которого я знала несколько лет назад.

Вместо излюбленных толстовок и футболок –небрежно расстегнутый темный костюм. Непокорная грива волос – слегка вьющихся, длинных, до самых плеч – исчезла. Когда-то я так любила запускать в них руки… До сих пор ясно помнилась теплая жесткая тяжесть между пальцами… Теперь эту гриву сменила стильная короткая стрижка, которая, надо признаться, очень ему шла.

Черты скуластого лица стали резче, законченнее, холоднее. Он чему-то кивнул, уголки губ дрогнули в улыбке, которая мимолетно мелькнула и пропала, не затронув глаз. А тот мальчишка улыбался иначе: белозубо, искренне и весело. И всё-таки это был он.

Вот и встретились… Уж не думала, что при таких обстоятельствах.

Я скользнула цепким взглядом по его невесте, чувствуя, как внутри неприятно царапнуло что-то. Наверное, злость. Еще бы. Перед моими глазами была настоящая красавица. Идеальная, ни одного изъяна. Закроешь глаза и не вспомнишь. Та самая растиражированная голливудская красота: светлые длинные волосы, гладкая кожа, аккуратный носик, пухлые губки, большие глазки, цвет… (нужное подчеркнуть). Главное – чтобы подружки на свадьбе от нее отличались. А то хоть маркером крестик на лбу рисуй, чтобы знать, кого под венец тащить.

Господи, что я делаю? Торчу в портьере у всех на виду, как кольцо в бархате, таращусь и молча злословлю. Не хватало еще, чтобы он меня заметил! Если я сразу его узнала, то и он… Совершенно не хотелось, чтобы и он узнал меня. В

официантке. Которая прислуживает его гостям. На его празднике.

Я опустила голову, стараясь слиться с фоном, скользнула к дальнему концу стола и начала расставлять тарелочки с заливным.

Когда поднос опустел, я неторопливо дошла до портьеры, хотя тянуло рвануть со всех ног. Но едва скрылась за ней, как бросилась бежать по коридору, пролетела через кухню, выскочила через черный ход на улицу и, привалившись к стене, обессиленно сползла вниз.

В боку кололо, перед глазами летали темные мошки. Вот уж не думала, что в таком огромном городе умудрюсь столкнуться с Алексом нос к носу. Нет, иногда я, конечно, представляла нашу встречу спустя много-много лет. По-разному представляла. Мы или проходили друг мимо друга, нерешительно кивнув смутно знакомому лицу. Или останавливались и разговаривали, как добрые друзья, у которых были общие приятные воспоминания. Или даже сидели в кафе, болтая о прошлом и рассказывая про настоящее. И я искренне верила, что именно так, спокойно и безмятежно, мы встретимся.

Но чего я уж точно не представляла, так это того, что сердце начнёт колотиться о ребра словно сумасшедшее, стоит мне его увидеть. И воздух кончится, и мысли бросятся врассыпную, а в голове станет пусто и странно. И все воспоминания, которые я так тщательно забила в самый дальний уголок сознания, закрыла наглухо, замуровала, вдруг вырвутся на свободу, нахлынут девятибалльной волной и выбросят безжалостно назад. Туда, в то время, когда мы были вместе…

С момента нашего расставания я ни разу не пыталась навести о нём справки, узнать, где он и что с ним… Я запретила себе даже думать о нем, даже вспоминать. Иначе было никак. Иначе слишком больно. Иначе не выжить… И у меня почти получилось. Почти. Потому что иногда он снился мне. Но над снами я же не властна, правда?

Он уехал в поисках удачи. И, похоже, она ему улыбнулась. Не каждый может себе позволить закрыть наш ресторан для своей вечеринки.

Я зажмурилась и с наслаждением вдохнула вечерний воздух. Сразу за рестораном начинался большой парк, и ветер нес оттуда запах нагретой за день солнцем травы, умиротворяющий шелест листьев и приглушенный женский

смех.

Парк… Не этот, другой, старый. Залитые лунным светом дорожки, стрекот сверчков, тягучий аромат ночных цветов. И ладонь, теплая, большая, надежная, в которой так уютно моей ладошке…

Так, стоп! Куда меня понесло?! Старые парки, лунные дорожки и руки в прошлом. Пусть там и остаются. Здесь и сейчас никому они не нужны. Другая жизнь, другая я и другой он. Он – успешный клиент, я – официантка, обслуживающая гостей на его празднике. И никаких дорожек!

Я встала, одернула юбку, пригладила волосы и, решительно открыв дверь, шагнула внутрь. Пора работать.

В этот вечер я сильнее обычного старалась стать совсем незаметной. Скользила у стола невидимой бесшумной тенью, чтобы не дай бог не попасться ему на глаза. Краем уха слышала поздравления, смех гостей, звон бокалов, радостные тосты и шутки знаменитого стэндапера, выступления приглашённых звёзд…

И с каждым новым певцом становилось все более ясно: мой Алекс не просто выбился в люди – он теперь, похоже, очень крут. Мой Алекс… Я усмехнулась про себя. Давно уже не мой. Наверное, теперь я должна была кусать локти? Но кусать локти не хотелось. Хотелось как можно быстрее исчезнуть из зала, где в любую минуту он мог меня заметить.

– Дженни? – раздался сзади над ухом до боли знакомый голос.

Мгновенно бросило в жар, я дернулась и едва не застонала от отчаяния. Вот и случилось то, чего я боялась. Увидел, узнал. Господи, певцы поют, стэндапер шутками сыплет, гостей куча, рядом красавица невеста… Так какого черта его потянуло официанток рассматривать?!

И ведь не сбежишь, сделав вид, что не слышала. Передо мною стол. Не прыгать же через него на глазах у изумленной публики. «А что… – с тоской подумала я. – Будет финальный прыжок на этом рабочем месте, тут же уволят».

Я сглотнула и медленно развернулась. И хорошо, что медленно. Он стоял так близко, что еще пара дюймов – и я бы ткнулась носом в пуговицы его белоснежной рубашки. Слишком близко. Слишком! Я замерла, чувствуя тепло его тела. Изнутри поднималась горячая волна смятения, стало трудно дышать. Желание попятиться, чтобы увеличить расстояние, сделалось почти непереносимым. И плевать, что там стол!

Алекс отступил на шаг, и я с облегчением выдохнула.

– Это ты, Дженни?

Похоже, он никак не мог сопоставить меня и то место, где меня встретил.

–… Что ты тут делаешь?

– Я тут работаю, – отчеканила я и, вскинув голову, с вызовом посмотрела ему в глаза.

– Работаешь?

Кажется, теперь он не мог поверить своим ушам. Во всяком случае, на его лице отразилась крайняя степень удивления. А потом во взгляде появился лед.

– И как же твой богатенький муж это допустил? – осведомился он.

Презрение, прозвеневшее в голосе, ударило больно. Очень больно. Как он может, ничего не зная, делать дурацкие выводы? Как смеет вот так смотреть на меня? Можно подумать, работать –стыдно. Сноб!

– Мы развелись, – тихо выговорила я, едва сдерживая ярость. – И это не ваше дело. Извините, мне надо идти.

Я развернулась, обогнула проклятый стол и тут же скрылась на кухне.

***

До конца вечера я умудрилась больше ни разу не попасться ему на глаза. Хотя, может, он и сам не горел желанием со мной разговаривать. Вот и славно! И всё-таки только тогда, когда торжество закончилось и посетители разошлись, я поняла, что все время была в чудовищном напряжении. Что ж, зато теперь можно вздохнуть с облегчением и спокойно убирать со столов. А вот отделаться от воспоминаний…

Нет, не удавалось.

Картинки из прошлого, тщательно отгоняемые весь день, тут навалились разом. Они вставали перед моими глазами с такой ясностью, будто это было только вчера.

Словно огромный улей гудел аэропорт. И в однотонный равнодушный гул вплетались механические голоса, объявляя рейсы, прилеты, посадки, терминалы… И каждый звук, произнесенный ими ясно и четко, впивался в мозг, отдавался невольной дрожью внутри, напоминая, что время истекает. Еще немного, и он уйдет, слившись с толпой. Махнет рукой и исчезнет надолго из моей жизни.

– Пора… – раздалось над ухом, и макушки коснулись теплые губы. – Посадку на мой рейс объявили.

– Не уезжай! – пробормотала я, уткнувшись носом в его футболку. И с отчаянием крепче сцепила руки, обхватившие его талию. Или как там оно у мужчин называется. – Кому нужны эти твои заработки!

– Ну вот. Мы же столько раз говорили, – в чуть хрипловатом голосе слышалась улыбка. – Я же вернусь!

– Когда ты вернёшься, – сказала я. Голос предательски дрогнул. В глазах защипало, по щеке скатилась слеза и капнула на футболку, расплываясь мокрым пятном, – я больше тебя не отпущу. Никогда. Никуда. Ни за что!

– Конечно, – ласково пробурчал он. Подбородка коснулись горячие пальцы, приподняли вверх лицо. – Я и сам не отпущусь. –Теплые губы подобрали

слезинку, потом еще одну и еще… – Никогда. Никуда. Ни за что.

Я молча кивнула.

– Ты, главное, меня дождись, – он посмотрел мне прямо в глаза. – Обещаешь?

Еще спрашивает. Да мне, кроме него, никто не нужен.

– Обещаю! – прошептала я. – Только возвращайся поскорее!

А спустя четыре месяца я написала то самое «прости, я выхожу замуж».

Я его бросила.

Так уж сложилось.

Глава 3

Я настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила, как пролетело время. Очнулась, когда работники медленно разбредались по парковке к машинам, сыто блестевшим мокрыми боками. Видимо, пока мы убирали, прошел дождь. Хлопали дверцы, кто-то уже заводил мотор, кто-то протирал сидение велосипеда, кто-то из живущих поблизости удалялся прочь, перепрыгивая через лужи. Сейчас все разъедутся, и все опустеет до завтра…

Рядом взвизгнули тормоза. Я отпрыгнула и обернулась. Из красной спортивной машины, маленькой и подвижной, как и ее хозяйка, выглянула сердитая Маргарет.

– Да что сегодня с тобой?! Кричу, кричу… – проворчала она, но черные глаза смотрели внимательно, цепко. – Весь день бродишь, как опрокинутая, ни на что не реагируешь. Хоть зови, хоть песни пой, а хоть сразу подносом по голове, чтобы внимание обратила!

Однако! Заметила. Надеюсь, только она.

– Не надо меня подносом… – улыбнулась я.

– Запрыгивай, – подмигнула Маргарет. – Подброшу до дома!

О нет, только не это… Она ж душу из меня вытрясет, стоит только попасться в ее наманикюренные лапки. С живой не слезет, пока все не выспросит. А откровенничать не хотелось. Ни с кем. И врать не хотелось тоже.

– Тебе же в другую сторону… – попробовала увильнуть я.

– И что? – перебила Маргарет и, ласково погладив по рулю, добавила: – Хоть девочку свою прогуляю. А то совсем застоялась.

Прогуляться… А это мысль. Ресторан всего в часе ходьбы от дома. Не лезть в душное нутро такси, не отбиваться всю дорогу от вопросов Маргарет, а пройтись по ночному городу, побыть одной… Одной! Господи, какое счастье просто побыть одной… Хоть немного, совсем чуть-чуть! Передохнуть, собраться с мыслями, в которых сейчас такой кавардак, что лучше пока не показываться маме на глаза.

– Ну? – нетерпеливо спросила Маргарет. Взглянула своими глазищами и тихонько рассмеялась. – Да не бойся, приставать не буду. Захочешь – расскажешь, а нет, так и не надо.

– Спасибо, – искренне улыбнулась я. – Но я пешком…

– Тогда до завтра!

Резко взревел мотор, красная машина напружинилась, словно дикий мустанг сорвалась с места и, заложив крутой вираж, исчезла за поворотом. Я развернулась и пошла по улице вдоль парка.

Летний ночной дождь смыл с города дневную суету, жару и шум, наполнил воздух блаженной прохладой и тишиной. Слышно было, как где-то далеко по проспекту изредка проносятся запоздалые машины, а здесь, в парке тихо

шелестят деревья, и с мокрых блестящих листьев падают в траву капли, сливаясь в невнятный дробный шорох. Тускло сияли фонари, резали желтыми дорожками черный сырой асфальт. И я бездумно брела по этим дорожкам, и моя тень брела вместе со мною, то обгоняла, удлиняясь, вытягиваясь, то укорачивалась и пропадала, тянулась следом, чтобы за очередным фонарем снова вырваться вперед.

Навстречу шла совершенно мокрая юная парочка, видно угодившая под дождь. Но, похоже, они этого даже не заметили. Держались за руки, смотрели друг на друга совершенно шальными глазами и целовались под каждым фонарем. И не было им никакого дела ни до своей насквозь сырой одежды, ни до приближающейся девицы, – налетели бы, если б не отскочила! – ни до всего остального мира. Как когда-то и нам…

Правда, это было давно. Сто тысяч лет тому назад. Давно и недолго. Накатили боль и горечь, горло перехватило спазмом, стало трудно дышать.

Так. Стоп. Что-то я совсем расклеилась. И все из-за внезапной встречи. Ничего. Я сильная, я справлюсь. Справилась же один раз? Второй раз будет уже легче. Тем более, что еще одна встреча нам вряд ли грозит, а эту я как-нибудь переживу. Все плохое, что могло случиться, пожалуй, уже случилось. Теперь меня уже ничем не удивишь. Загоню все воспоминания в самый дальний уголок сознания, где им самое место. И запру. Замурую, заварю. Чтобы больше никогда не вырвались на свободу. И пойду вперед, не оглядываясь.

Но почему-то я оглянулась. И долго смотрела им вслед.

Домой я пришла далеко за полночь. Тихонько открыла дверь своим ключом, толкнула ее и застыла на пороге: в гостиной горел свет. Что-то случилось?!

Я осторожно заглянула в приоткрытую дверь и с облегчением выдохнула. Все в порядке. Хотя было очень поздно, мама сидела за столом и пила чай на травах.

– Почему ты не спишь? – на ходу спросила я, и обняв ее за худенькие плечи, ткнулась холодными губами в теплую мягкую щеку. Такую родную щеку… Внутри привычно колыхнулась острая жалость. Мама, мама… Как она сдала после смерти отца и всего, что случилось позже. – Доктор сказал, тебе надо больше отдыхать.

– Только и делаю, что отдыхаю, – проворчала мама. И было в этом ворчании что-то от нее прежней: веселой, спортивной, ухоженной, постоянно пропадавшей где-то «с девчонками», как она называла своих подруг. – Вот и решила тебя дождаться.

– Вот, дождалась, – весело кивнула я и снова поцеловала. – Пойдем теперь спать?

Мама немного помолчала и тихонько вздохнула.

– Весь день сердце не на месте было… – она обеспокоенно заглянула мне в глаза: – У тебя все в порядке, Дженни?

– Конечно, в порядке. Я же на работе!

Я мысленно обругала себя за то, что не рванула домой сразу же. Прогуливалась. В одиночестве мне побыть захотелось. А мама тут места себе не находила.

– Ты много работаешь… – мамин голос дрогнул. – А я ничем не могу тебе помочь…

– Ты замерзла, и поэтому говоришь глупости… – Я прижалась щекой к ее щеке. – Сейчас принесу плед.

Я выскользнула за дверь и оттуда крикнула:

– А работаю много потому, что мне там нравится! Очень нравится. У нас замечательные ребята и девчонки! Знаешь, что Маргарет сегодня учудила? Мы все так хохотали…

Я схватила плед и пошла обратно, лихорадочно соображая, что же такого могла учудить Маргарет, что «мы так хохотали». Потому что если кто сегодня и «чудил», то уж точно не Маргарет. А я. Это был мой бенефис. Но мама любила слушать мои рассказы «про работу», и я этим вероломно пользовалась, когда хотела ее отвлечь. Сейчас, похоже, прием не сработал: она сидела в той же позе, в которой я ее оставила.

Я накинула плед ей на плечи, подоткнула его и добавила в чашку горячего чая.

– Ну что, лучше? Сейчас согреешься…

– Завтра будут результаты анализов… – ровно выговорила мама, сглотнула и зябко обхватила ладонями теплую чашку. – Что-то мне страшно.

– А все это потому, что кто-то, вместо того чтобы спать по ночам, чаи подозрительные распивает. С травкой! Вот мысли дурные в голову и лезут! – бодрым голосом сказала я. – Сейчас я принесу тебе твои капли, ты выпьешь их и ляжешь в кровать. А утром мы пойдём к врачу, и он скажет нам, что всё отлично и замечательно. Потому что иначе и быть не может.

Я говорила твёрдо и уверенно. И очень боялась, что за моей уверенностью мама разгадает страх. Дикий, парализующий страх, что всё будет не так уж и хорошо. Выматывающий душу страх потерять последнего своего близкого человека…

***

Не люблю клиники. Не любила их с детства. Нет, конечно, у нас был семейный доктор. Добродушный улыбчивый мистер Харгрейвс, который появлялся в доме, когда кто-то болел. Так что в клинике мне довелось побывать лишь дважды. Первый раз, когда я сильно расшиблась, свалившись с велосипеда.

А второй раз с мамой. Тот, второй раз остался в моем детском сознании невнятным смазанным калейдоскопом разрозненных воспоминаний…

Сирена скорой, мчащейся сквозь распластанный надвое поток машин, вцепившиеся в руль руки отца, безжалостный яркий свет приемного покоя. Суета врачей, белое лицо мамы с искусанными губами, бег за каталкой, что увозила ее по длинному коридору, закрывшаяся перед нами с отцом дверь. И долгие, бесконечные часы ожидания, наполненные надеждой и страхом, пропитанные тем особым запахом, что присущ только клиникам. Любым. Богатым, бедным… Запах лекарств, стерильной чистоты и отчаяния.

Никогда раньше не видела я отца таким растерянным и беспомощным. Это пугало до дрожи, до ужаса, холодом плескавшегося внутри, приковывающего к

скользкому стулу. А потом усталый доктор и слова: «С вашей женой все хорошо. Но она не сможет больше иметь детей».

Помнится, тогда я себе по-детски уверенно пообещала, что никогда больше даже близко не подойду к клинике. Ни за что. Как будто это зависело от меня.

Увы, пришлось.

Мама осталась ждать за дверью. А я слушала то, что говорил доктор Стивенс, и никак не могла до конца осознать сказанное, уложить в голове.

– Диагноз невесёлый, понимаю, – кивнул он.

– Но мы же с этим можем справиться, да? – с надеждой спросила я.

– Да. Но необходима операция. Потом долгое лечение. А возможно, еще одна операция. Ваша страховка этого не покроет…

Ясно. Для операции нужны деньги. Большие деньги, которых у нас нет.

Перед дверью я немного задержалась, глубоко вдохнула, выдохнула, нацепила на лицо бодрую улыбку и вышла из кабинета. Мама сидела, вытянувшись в струнку на самом краешке кресла, будто боялась в нем потеряться. Маленькая, хрупкая… Прямая спина, в губах ни кровинки.

А глаза… В них не было жизни. Словно диагноз стал приговором и уже был приведен в исполнение. Горло свирепо сдавило, внутри все сжалось в ледяной ком страха. Полоснуло щемящей нежностью и… невольным восхищением. Моя истинная леди, ни звуком, ни жестом не выдающая того ада, что сейчас творился у нее внутри.

Я достану чертовы деньги. Чего бы мне это ни стоило. Умру, но достану!

– Ну! Я же говорила, что все будет хорошо! – весело заявила я, приближаясь к маме, – Конечно, анализы не идеальные, но ничего страшного нет, – я обняла ее за окаменевшие от напряжения плечи. – Доктор сказал, что тебе сделают операцию, и будешь как новенькая.

– Правда? Ты ведь не стала бы меня обманывать?

– Правда. Пойдем домой! А то в ресторан опоздаю.

Рабочий день прошел как в тумане, а ночь я провела, бродя по сайтам в интернете, выискивая клиники, лечебные программы – любую информацию.

И по этой информации выходило, что маме действительно ещё можно было помочь. Лечение, успешно проверенное и обкатанное, существовало: операция, стационар в клинике, а потом реабилитация. Когда я подсчитала, во что оно все выльется, то разрыдалась.

Да, спасение есть, оно возможно и близко. Вот только не по карману. Даже при моих неплохих заработках в дорогом ресторане, такую огромную сумму я смогу накопить хорошо если года за два. И то при условии, что почти ничего не буду тратить. Но у нас нет двух лет. Если лечение не начать прямо сейчас… У нас нет даже года. Это врач сказал мне определённо.

Бессонная ночь с рыданиями, подсчётами, поисками других вариантов, снова подсчётами и снова рыданиями, подошла к концу. К утру я приняла решение.

Мне нужно, просто необходимо занять деньги. Но у кого?

После того как отец умер и выяснилось, что у нас ничего не осталось, пришлось продать дом, все мало-мальски ценные вещи и сменить район, поселившись в небольшой съемной квартире. Количество папиных состоятельных друзей сразу резко пошло на убыль.

Да и какие то были друзья? Так, компаньоны, партнеры по бизнесу, нужные люди. Бизнес закончился, и они закончились тоже. Еще имелись соседи, с которыми приятно устроить барбекю и беззаботно провести вечер. Когда мы съехали, они тоже исчезли за горизонтом. Что же касается маминых подруг… Некоторые из ее «девчонок» вдруг резко перестали бывать дома, когда она звонила. С другими мама порвала связь сама, не желая натыкаться на оскорбительную жалость.

А я… Я так и не обзавелась подругами. Ну, тех, что «вместе и навсегда», «друг за друга горой» и все такое. Приятели были, а друзей не было. Не сложилось. В школе я была ужасно замкнутой. Мне хватало книг, которые я поглощала в немыслимом количестве. Любого жанра и в любом виде: бумажном и электронном, современных и исторических. Шушукаться с кем-то, делясь секретиками, меня никогда не тянуло. Наверное, потому, что настоящей моей подругой всегда была мама. Да, подобное редко, но случается. А после школы все так закрутилось, что стало не до подруг.

Когда я начала работать, то познакомилась с кучей людей. Многие из них охотно пришли бы на помощь. Та же Маргарет, например. Беда в том, что у них тоже не было настолько сумасшедших денег.

И все же… Среди моих знакомых есть один человек, для которого эта немыслимая сумма не будет неподъёмной.

***

Найти его было нетрудно.

Позвонила нескольким школьным знакомым – всем тем, кому не решалась звонить раньше – и тут же получила исчерпывающую информацию.

Алекс тогда уехал на заработки, но полученные деньги не тратил, а вкладывал в дело. Ему чертовски везло, за что бы он ни брался: акции, торги на биржах, производство… Всегда в плюсе. Эдакий современный царь Мидас, который одним прикосновением превращал в золото все, к чему прикасался.

А может, не в везении дело, а в упорстве и гибком, цепком уме? Попутно меня расспрашивали, где я, куда подевалась и как дела, вываливали кучу новостей про бывших одноклассников и наперебой рассказывали про невесту Алекса, которая… вроде бы певица. Или актриса? Но точно восходящая звезда.

Может и так. Мне её лицо показалось смутно знакомым. Впрочем, голливудские красавицы все похожи друг на друга, словно сошли с конвейера клонов. Но это

неважно…

Важно другое: среди массы ненужной разрозненной информации удалось выловить адрес его офиса. И тщательно записать.

Я решила не звонить. Не очень представляла, что я ему скажу по телефону. Судя по тому ледяному взгляду, которым он окатил меня в ресторане, он просто бросит трубку, как только услышит мой голос. А при личной встрече у меня все же есть шанс его уговорить. Маленький призрачный шанс. Единственная надежда.

Глава 4

Такси медленно ехало по улице. Банки, торговые площадки, рекламные агентства, офисы крупнейших компаний… Именно в этом районе сосредоточена деловая и финансовая жизнь города, здесь царит дух больших денег и масштабных сделок. И здесь же сконцентрировано абсолютное большинство небоскребов.

В остальных районах их практически нет, по крайней мере, в таком количестве. Разные, классической постройки и современные монстры сплошь из стекла и бетона, они теснятся словно свечи, натыканные в торт долгожителя, уходят макушками в небо. А по улице, с гарнитурами в ушах и стаканом кофе в руке, торопливо снуют мужчины в пиджаках и женщины безупречно офисного вида.

Такси затормозило возле высотного бизнес-центра с огромным стеклянным козырьком над входом. Я прошла через турникеты, показав документы секьюрити, поднялась на лифте. Нужный мне офис занимал несколько этажей, но обнаружить дверь с надписью «Генеральный директор мистер Алекс Картер» удалось довольно быстро.

Перед ней я остановилась, не решаясь сразу войти. Слишком многое зависело от этого разговора. Слишком многое.

Я выдохнула и огляделась. Белые стены, темные полы, репродукции по обе стороны коридора и двери, двери, двери. Обычный офис, ничего особенного. Весь престиж его – в адресе. Снимать офис в деловой части города стоит баснословных денег, зато все сразу знают, как ты крут.

Папа объяснил это мне, когда я как-то спросила, почему его офис не здесь, а в обычном районе. «Понимаешь, дочка, – задумчиво сказал он. – У нашей компании такая веками заслуженная репутация, ее и на окраине найдут. Переплачивать за место нет смысла». А еще он говорил: «Деньги любят тишину».

Отец был далеко не бедным человеком, но не любил выставлять свою успешность напоказ. Возможно потому, что мой дед тоже был человеком состоятельным. И папа принял семейный бизнес, передающийся от отца к сыну уже несколько поколений. У него всегда были деньги, а Алекс добился всего сам и быстро. Поэтому и коллекционирует атрибуты богатства.

Офис в самом сердце деловой части города, наверняка самая дорогая машина, которую только нашёл. Жена-актриса. Что ещё входит в список? Личный самолет? Пара яхт в ванной? Рикша для поездок по особняку? Чёрт возьми, это не моё дело. Пусть живет, как хочет. Главное, чтобы он не выставил меня сейчас за дверь.

Я судорожно сглотнула, на секунду крепко зажмурилась, собираясь с духом и… зашла в приёмную. Взгляд быстро впитал обстановку. Всё строго, просто, функционально. Темные, как в коридоре полы, традиционно светлые стены, на одной из которых словно по линеечке висели какие-то документы в узких рамках. Слева – уютная мягкая мебель для посетителей и огромное окно от пола до потолка, за которым открывался потрясающий вид с высоты птичьего полета. Необыкновенный вид, умопомрачительный…

– Здравствуйте… – раздался голос справа.

Ой… Нашла время виды разглядывать. Я сконфуженно повернула голову. Секретарь, приятная женщина чуть за тридцать, одетая с иголочки в неброский офисный костюм, вопросительно улыбалась мне из-за стола.

– Здравствуйте. Меня зовут мисс Дженнифер Браун, – представилась я. Миссис я недолго пробыла, а фамилию свою после развода вернула. – Мне нужно

увидеться с мистером Картером.

Я почему-то была уверена, что она сейчас спросит, назначено ли мне. И придётся долго прорываться в заветный кабинет, умоляя и объясняя, кто я вообще такая и какого чёрта явилась. Но она сняла трубку и сообщила:

– Мистер Картер, к вам мисс Дженнифер Браун.

Немного послушала, положила трубку и кивнула мне:

– Проходите, пожалуйста. Мистер Картер вас примет.

Так сразу? Это казалось хорошим знаком.

Я взялась за ручку, немного помедлила. Ненавижу занимать деньги. И никогда этого не делала раньше. И сейчас бы не стала, особенно у него, но… – и, решительно дернув ее на себя, шагнула внутрь. Рассматривать кабинет мне и в голову не пришло: взгляд мгновенно и намертво прилип к его хозяину. Он сидел за столом в идеальном костюме и пил колу из банки.

Это уж точно не напиток миллионеров. Вот ведь как бывает. Ты создашь свою новую жизнь, оградишь себя мрамором и стеклом, но обычная алюминиевая банка выдаст в тебе мальчишку, который рос в не самом престижном районе. Колу следовало хотя бы налить в стакан.

– Здравствуй, Алекс, – сказала я. Только из перехваченного страхом горла вырвался лишь невнятный писк. Я кашлянула и повторила: – Здравствуй, Алекс. Или теперь нужно тебя называть мистер Картер?

– Как угодно, – холодно прозвучало в ответ. – Я занят, – он взглянул на часы от Картье, обхватившие широкое запястье. – У тебя есть пять минут, чтобы изложить цель визита. Так что давай сразу и по существу. Ты ведь не просто так пришла?

Конечно, не просто так. Вряд ли бы я заявилась сюда поболтать. Я бы предпочла вообще его больше никогда не видеть, и если б не крайние обстоятельства… Холод и легкое презрение, проскользнувшее в его голосе, больно царапнули. И

эта боль странным образом приглушила страх. Я сглотнула и совершенно спокойно выговорила:

– Мне нужны деньги, Алекс. Крупная сумма. И я надеялась, что ты мне поможешь.

Сказанное прозвучало так, будто бы я просила у него деньги безвозмездно!

– В долг, – торопливо добавила я. – Я обязательно верну. За полтора-два года мне удастся рассчитаться. Может, и раньше, если дела пойдут хорошо…

– Сколько? – перебил он.

Я назвала сумму и напряженно застыла. Алекс присвистнул и, откинувшись на спинку кресла, молча забарабанил пальцами по столу. Их дробь звучала похоронным маршем в моих ушах.

– Это большие деньги, – наконец сказал он. – Слишком большие. Особенно для официантки. Не думаю, что ты сможешь вернуть их. Ни за два года, ни за три.

Он… отказывает? Я прикрыла глаза. Казалось, все события последних невероятно тяжелых дней обрушились на мои плечи бетонной плитой, придавили, не давая вздохнуть…

– И ты пришла с этим ко мне, к человеку, которого бросила? Выгодно выскочила замуж, стоило мне только уехать?

Да уж, выгодно… Сама себе завидую.

– Прости, я…

А что «я»? Что я могу ему сказать? Что не хотела и сопротивлялась до последнего? Расскажу, как мой мир рушился, выбивая почву из-под ног, потому что отец буквально давил на меня? Как сурово со мной разговаривал, объясняя, насколько важен этот брак для него, для семьи, для компании, перед которой у меня, наследницы, тоже есть обязательства?

Как мама один раз попросила, пряча глаза: «Ты познакомься с женихом. Он приятный молодой человек. Видимо, ты ему очень нравишься, раз условием для слияния своей и папиной компании он поставил непременный брак с тобой. Вдруг и он тебе понравится?» И больше не вмешивалась, лишь плакала украдкой, разрываясь между мной и отцом.

И я сдалась. Сдалась и вышла замуж. Совсем немногие в нашем городе могли противостоять моему отцу. И я точно не из их числа… Да и сам Алекс предпочёл этого не делать – уехал в Вегас на заработки. Его не было именно тогда, когда он был мне так нужен, чтобы выстоять…

– Я виновата перед тобой. Прости. И всё же… я прошу тебя… пожалуйста…

Он даже не поднялся из-за стола. Просто выпрямился в кресле. Но почему-то показалось, что он смотрит на меня, стоящую перед ним, сверху вниз.

– Мы ведь оба знаем, что ты не сможешь вернуть мне деньги.

– Нет! Я… Я буду работать, и…

Он не дослушал.

– Мы поступим вот как. Я дам тебе эти деньги…

Даст… Даст деньги… От нахлынувшего облегчения я пошатнулась, едва устояв на ногах.

А он тем временем продолжал:

– Дам просто так. Без возврата. Но за это…

Я подняла голову и наткнулась на холодный взгляд, в котором на миг мелькнуло что-то непонятное, тревожащее.

– За это ты поступишь в моё полное распоряжение на десять дней.

Что?!

В глазах потемнело, сердце замерло и оборвалось. Вот она, цена его помощи… От едкой горечи и обиды жгло внутри, разъедало, словно туда плеснули кислотой. Роскошный кабинет поплыл под ногами. Мысли стали вязкими, путаными, все смешалось в один комок. Я лишь смутно помню, что говорила я, что говорил он, разъясняя условия этого чудовищного непристойного предложения. Я согласилась. Он уже выписывал чек, но вдруг остановился. Положил ручку, заявив, что не уверен в том, что я правильно все поняла. А что там можно было неправильно понять?

– Раздевайся! – лениво раздалось в тишине кабинета.

Словно мне недостаточно было унижений. Еще и это…

Безумно хотелось развернуться, уйти и хлопнуть дверью. Так хлопнуть, чтоб она сорвалась с петель. Но… Когда на одной чаше весов жизнь моей мамы, а на другой – лишь моя гордость и чувство собственного достоинства… Выбор очевиден.

Я едва сдерживала злые слёзы, мучительно долго расстегивая каждую пуговичку на блузке. Они поддавались неохотно, выкручивались из дрожащих пальцев. Наконец последняя выскользнула из петли, я повела плечами, и тонкая ткань соскользнула, повиснув на кончиках пальцев.

Я поискала глазами, куда бы пристроить блузку, и небрежно швырнула ее на гостевое кресло. Потянулась к молнии на юбке и, не выдержав, отвернулась.

Казалось, в огромное, от пола до потолка окно, такое же, как в приемной, уставились тысячи глаз из окрестных небоскребов. Хотя здание, где находился офис Алекса, значительно возвышалось над остальными. И подсматривать в его окна могли только птицы.

Но один взгляд все-таки был. Я чувствовала его спиной, словно прикосновение горячих ладоней к коже. Медленно стащив юбку, я бросила ее к блузке и вопросительно покосилась через плечо. Неужели этого ему будет недостаточно?

– Дальше, – каким-то чужим, хриплым голосом скомандовал он.

Дрожащими руками я расстегнула застёжку бюстгальтера и словно со стороны наблюдала, как кружевная ткань упала на ковёр.

– Повернись.

Мне и в голову не пришло ослушаться. Прикрыв грудь скрещенными руками, я повернулась. И вздрогнула, напоровшись на пристальный странный взгляд. Руки сами собой опустились. И то ли под этим взглядом, остановившемся на голой груди, то ли потому что в кабинете было прохладно, соски напряглись и заныли, предательски вытянулись столбиками. Щеки полыхнули румянцем, ладони дернулись, чтоб прикрыться, и… обессиленно повисли. Какая уж теперь разница? Я всё равно не смогу спрятаться. За десять дней он и рассмотрит, и потрогает везде, где пожелает. И не только потрогает! Я со злостью потянула чулок, поставив некрасивую затяжку, от которой тут же брызнули стрелки.

– Достаточно. Так ты выглядишь ещё развратнее.

Краска бросилась мне в лицо, залила шею, грудь, прокатилась жаром по коже. Свет ламп на потолке стал вдруг резким, безжалостно ярким, слишком откровенным. От стыда хотелось провалиться сквозь землю. Безумная, невозможная ситуация. Никогда еще я не раздевалась перед мужчинами. Даже перед мужем. А чтоб еще вот так, днем, в чужом офисе, в кабинете с окном во всю стену, когда за тонкой стеной сидит секретарь… Какой ужас…

Он встал из-за стола, обошёл меня сзади. Одна его рука легла мне на шею – плотно, жёстко. Казалось, ещё чуть сильнее – и я бы не смогла дышать. А вторая обхватила талию. Он крепко прижал меня к себе, спина вдавилась в прохладную ткань дорогого костюма. Такую прохладную, что кожа мгновенно покрылась мурашками, а сердце испуганно дернулось и забилось, как у воробья. В голове заметались панические мысли.

Стоп! Спокойно!

Я не девочка, выдержу. Все выдержу. По опыту своего короткого замужества знаю: надо просто немного потерпеть. Отвлечься на что-нибудь, зажмуриться и потерпеть. Тогда не так остро чувствуешь, как по телу шарят чужие холодные

руки, а между ног вбивается чужая плоть, разрывая внутренности.

Мужу быстро надоело развлекаться с «фригидной сучкой», и он вернулся к своим любовницам. Может, и этому наскучит раньше, чем через десять дней…

Я сглотнула, ощущая, как при этом горло толкнулось в сжимающую его ладонь, закрыла глаза и расслабилась. Будь что будет.

– Итак. Повторим, чтоб ты лучше усвоила.

От контраста между ледяным механическим голосом и горячим дыханием, что шевелило волосы возле уха, скользило по щеке и по шее, стало щекотно в позвоночнике. А его руки… Они вовсе не были холодными, наоборот… Там, где они касались, кожу покалывало теплом. Ладонь с нажимом проехалась вверх, по животу, еще выше, проскользнула по ложбинке между грудями и… замерла, вызвав непонятное ощущение какой-то незавершенности.

– Ты будешь подчиняться беспрекословно.

Он обхватил рукой грудь, потер подушечкой большого пальца сосок, отчего внутри сладко вспыхнуло, а по телу растеклась странная слабость. Я застыла, пораженная не столько бесстыдством его прикосновений, сколько своей реакцией на них. Непонятной, необъяснимой. Его рука вновь двинулась вниз, сминая кожу. Надавила на живот, проехалась вдоль резинки трусиков…

– Малейшее неповиновение – и наш контракт расторгается. Ты поняла?

– Да…

Я почти задыхалась. От злости, обиды и стыда. От растерянности перед тем непонятным, что творилось с моим телом. Да что со мной сегодня?

Хорошо бы, черт возьми, вспомнить, что рядом со мной не тот мальчишка, а совершенно незнакомый мне мужчина. Чужой, холодный мужчина, который всего лишь хочет взять реванш за нанесенную когда-то обиду. И его жестокость я уже испытала, и еще испытаю не раз.

– Я буду брать тебя, когда захочу, где захочу и как захочу, – бесстрастный голос бился в уши, а горячие, чуть шершавые пальцы скользили вдоль резинки трусиков, туда и обратно, туда и обратно, отзываясь слабостью в коленках… – И если ты хоть раз проявишь явное неудовольствие по этому поводу – наш контракт расторгается. Ты поняла?

– Да, – с отчаянием выдохнула я и сжала пальцы в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Надо немедленно прийти в себя!

Мужская горячая ладонь скользнула между ног, я вздрогнула, инстинктивно стиснув бедра. Пальцы задвигались, прямо сквозь тонкое кружево потирая, надавливая, сминая нежную плоть. По телу прокатилась волна жара, дыхание перехватило. Непривычные ощущения, острые, пряные, кружили голову, из горла рвался животный стон. Стон, который я сдерживала, до крови прикусив щеку.

Алекс сдвинул трусики в сторону, и теперь его пальцы скользили по голой разгоряченной плоти, раздвигая влажные складочки, теребили налитый кровью бугорок, дразняще кружили и слегка погружались внутрь лона. Выныривали и вновь погружались… От того, что творили эти пальцы, от непристойности самой ситуации, в которой я оказалась, и чёрт ещё знает от чего низ живота запульсировал, наливаясь колючим жаром, и эта пульсация поднималась все выше, заставляя закусывать губы, чтоб совсем не потерять голову…

Внезапно руки исчезли. Обе. Спины коснулся прохладный воздух. Он прекратил? Я судорожно сглотнула, с трудом приходя в себя. Что это было, а? Тело странно ломило, болезненно ныло в животе. Такое ощущение, что по мне танк проехал. Но не додавил до конца. Ясность сознания медленно возвращалась, а вместе с ней возвращалась и память. Как-то особенно четко представилась улыбчивая девушка-секретарь в приемной, прямо вот за той стенкой.

Очень надеюсь, тут толстые стены. Еще больше надеюсь, секретарь не слышала того, что здесь говорилось и происходило. Стыд накатил удушливой волной, в который раз захотелось провалиться сквозь землю.

Я осторожно повернула голову. Алекс уже сидел за столом и что-то писал. Видимо, чек. Ну не разочаровался же он так вот сразу?

– Одевайся.

Получив команду, я с облегчением нацепила бюстгальтер, нырнула в юбку. Натянула блузку, моментально застегнув ее на все пуговицы. Никогда еще я не одевалась так быстро.

– Завтра ты возьмёшь отпуск на своей работе. Или уволишься – мне плевать. К полудню ты должна быть по этому адресу, – он протянул мне листок с парой строчек, написанных убористым почерком. – С собой можешь ничего не брать: всё необходимое я приобрету сам. Это понятно?

– Понятно, но… – кивнула я и, вдохнув поглубже, с отчаянием выпалила: – Моя мама… она болеет. Я не могу оставить её одну.

Он открыл ящик стола и достал оттуда несколько купюр.

– Наймёшь сиделку. Этого должно хватить.

– Но что я ей скажу? – беспомощно пробормотала я, глядя на купюры так, словно они могли меня ужалить.

– Придумаешь что-нибудь, – отрезал он, заполнил чек и вложил его в конверт. – Например, что уезжаешь в другой город договориться о кредите.

Он помолчал, а потом добавил:

– Ты сможешь звонить. Не более одного звонка в день. У тебя все? Как я уже говорил, у меня не слишком много времени.

В самом деле? Но его хватило на то, чтобы раздеть меня, облапать и… Впрочем, говорить вслух ничего подобного я не стала. Пока деньги не в кармане, не стоит дергать тигра за усы.

– А чек? – тихо напомнила я.

– Чек получишь, когда выполнишь свою часть контракта. А пока он полежит здесь, – он покачал конвертом, кинул его в ящик стола, который сразу задвинул.

– И какие у меня гарантии…

– Гарантии? – перебил он, насмешливо приподняв брови. – А никаких гарантий. Только мое слово, но ему можно верить…

«В отличие от твоего!» не прозвучало, но явно повисло в воздухе.

– Хорошо, – выдавила я.

Схватила сумку и направилась к выходу. На пороге нерешительно потопталась, распахнула дверь, на всякий случай быстро проскочила мимо секретаря, на ходу попрощавшись, и вылетела в коридор.

Глава 5

Я пробкой выскочила из стеклянных дверей бизнес-центра и быстро зашагала по улице, лавируя в толпе прохожих. Мелькали лица – разные: улыбчивые, хмурые, спокойные, – сливаясь в колышущееся цветное пятно, что равнодушно текло навстречу. И никому не было до меня никакого дела.

Впрочем, и мне до них не было дела. Лишь бы поскорее оказаться как можно дальше от офиса с его невыносимо ярким откровенным светом, от холодного дельца, отдаленно похожего на Алекса. Я сворачивала снова и снова, петляла по незнакомым улицам и переулкам, словно заяц, запутывающий следы. Почти бежала, вплетая в ровный шум города дробный перестук каблуков. Бежала… Как будто от себя можно убежать.

Свернув еще раз, я очутилась на небольшой аллее. Добрела до первой же скамейки и, рухнув на нее, обхватила голову руками. Шок от внезапности, неожиданности непристойного предложения, придававший ему щадящий оттенок нереальности, постепенно проходил, словно заморозка с зуба. И весь

ужас произошедшего в офисе запоздало обрушился на меня, в клочья разрывая мозг.

От злости, бессильной ярости, отвращения к самой себе сводило скулы. Внутри скрутило так, что дышать стало тяжело. Эта сделка даже не унижала, нет. Она убивала. Втаптывала в пыль, размазывала, заставляя чувствовать себя ничтожеством.

Я поверить не могла в жестокость мужчины, которого когда-то знала.

Всё было жестоко: сама сделка, которую он мне предложил. Жуткие, невозможные слова, сказанные холодным голосом. Руки, шарящие по голому телу. И мое жалкое «Да». Я не хлестнула наотмашь по красивому надменному лицу, не развернулась, не вышла за дверь. Я согласилась…

От невыносимого жгучего стыда я застонала сквозь стиснутые зубы, до боли сжав пальцами волосы. Сквозь мешанину безжалостных мыслей пробился папин голос. Так ясно, словно я и на самом деле слышала его: «Не пытайся изменить то, что изменить ты не в силах».

И правда. Мне нужны деньги. Сейчас, быстро. Алекс – единственный, кто их может дать. И эту ситуацию я не могу изменить. Так стоит ли жалеть о том, что он согласился? Пусть даже и подобной ценой. Зато теперь понятно, как ему удалось столь скоропалительно разбогатеть и стать успешным бизнесменом: акулья хватка. Внезапность, натиск и только один правильный и принимаемый им ответ – да. Он даже не дал мне времени обдумать как следует. Заставил согласиться тут же, без промедления.

Впрочем, и после обдумывания ответ был бы тот же. Других вариантов добыть деньги у меня нет. Разве что ограбить банк. Ха-ха. Не смешно.

Все. Хватит терзаться.

Главное – у мамы появился шанс. У нас появился шанс! А значит… Значит, я приду в его чёртов дом. Пробуду там столько, сколько надо, – десять дней? Это ведь можно пережить? Можно. Мое замужество длилось куда дольше – а потом забуду, как страшный сон. Все забуду. И его, и то, что он со мной сделает.

Напряжение, сковывающее, казалось, не только тело, но и мысли, странным образом отпустило. Я расслабленно откинулась на спинку скамейки и несколько минут посидела, бездумно наблюдая за прохожими. Потом решительно поднялась. В конце концов, у меня очень много дел и очень мало времени. И на то, чтобы себя жалеть, тратить его не стоит.

Поймав такси, я поехала в ресторан.

«Отпросись или уволься – мне плевать», – сказал Алекс. А вот мне не плевать. Хорошую работу найти сложно. А нам с мамой даже с учетом оплаченного лечения надо будет на что-то есть, пить, одеваться и снимать квартиру. А возможно, и в дальнейшем наблюдаться у врача и покупать лекарства.

– Десять дней отпуска за свой счёт? – недовольно повторил за мной мистер Ллокридж.

Мистер Ллокридж, тщедушный мужчина лет тридцати, компенсирующий свой маленький рост специальной обувью, странной растительностью под носом, которую он считал усами, раздутым самомнением и вредным характером, занимался в нашем ресторане кадровыми вопросами и гордо именовал себя директором по персоналу. Как на самом деле называлась его должность, я не интересовалась. Директор, так директор. Раз ему это греет душу.

– Да, сэр, – кивнула я, стараясь не смотреть на него сверху вниз, что при его росте было довольно проблематично.

– Это никуда не годится, Дженифер, – мрачно сказал он . – То вы опаздываете, то теперь в отпуск отпрашиваетесь!

– Мне очень нужно, сэр… – Я опустила глаза, чтобы он не дай бог не прочел в них все, что я о нем думаю.

Во-первых, я уже год работаю, и отпуск мне точно положен. Во-вторых, я не опаздывала ни разу. Я задерживалась. И заранее всегда предупреждала. Его же! И задерживалась всего несколько раз, только в самых экстренных случаях. А в-третьих, мистер Ллокридж почему-то не вспомнил, что я не только «опаздывала», но и оставалась всегда, когда нужно было дождаться ухода разгулявшихся клиентов и убрать после них зал. И подменить кого-либо я

соглашалась всякий раз, когда в том возникала необходимость!

Видимо, мозг мистера Ллокриджа подобен замороженному бифштексу на раскаленной сковороде. С одной стороны – горячий, с другой – ледяной. Тут помню, а тут нет.

– А мне нужно, чтобы мои работники находились на своих местах! – отрезал он.

Я упрямо молчала, не поднимая глаз.

– Вы, конечно, идите. Но через десять дней посмотрим. Возможно, я возьму на ваше место другого человека.

«А вот это вряд ли! – со злостью подумала я. – Слишком уж тебе нравится командовать дочерью бывшего миллионера, которая внезапно свалилась оттуда, куда ты так рвешься, что аж из штанов выпрыгиваешь!»

– Хорошо, сэр, – вслух сказала я. – Спасибо.

Развернулась и вышла из ресторана, глотая слезы. И откуда они только берутся, эти мистеры Ллокриджи?! Впрочем, сама виновата. Надо было наврать что-нибудь в анкете, а не писать чистую правду о своем происхождении.

А если он выполнит свою угрозу, и я потеряю работу?.. Кажется, мне тоже теперь плевать. В моей жизни сейчас есть дела поважнее.

Сиделку я нашла довольно быстро. Денег, которые небрежно швырнул на стол Алекс, хватило на то, чтобы обратиться в хорошее агентство, где работают только проверенные специалисты. Теперь оставалось самое сложное: поговорить с мамой.

Сколько я себя помню – она всегда легко разгадывала мои уловки и попытки что-либо скрыть. Когда я совсем маленькой разбила её любимую кружку… Или когда позже неделю ходила исключительно в брюках и кофте с длинными рукавами – прятала боевые царапины, полученные при попытке забраться на старую яблоню за незрелыми кислющими яблоками (что было категорически запрещено)… И когда я тайно плакала в подушку после отъезда Алекса… Она всегда точно

знала, в чём дело. Но сейчас мне требовалось её обмануть.

– Мне нужно уехать на десять дней, – бодро сообщила я, перебирая документы, чтоб не смотреть маме в глаза. – Это касается лечения. Проконсультироваться со специалистами, найти подходящую больницу…

Мама так долго молчала, что я невольно обернулась и натолкнулась на внимательный взгляд.

– Что-то мне тревожно за тебя, – покачала она головой.

– Выпей капли, и все пройдёт, – улыбнулась я и обняла ее за плечи. – А за меня не волнуйся. Я уже большая девочка, всё будет хорошо.

– Большая… – эхом отозвалась мама. И задумчиво пробормотала себе под нос. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Конечно, знаю! – я говорила так твёрдо, что ни у кого не возникло бы сомнений в моих словах. Ни у кого. Кроме меня самой. – Я буду звонить, обещаю!

– Не забудь взять теплую кофту! – вздохнула мама. – Вдруг похолодает…

Вещи! Точно. Хоть Алекс однозначно и понятно сказал ничего с собой не брать, но уехать куда-то на десять дней с пустыми руками было бы подозрительно. А мамино спокойствие мне дороже… Тут же в ушах явственно прозвучали слова: «Если хоть раз ты не подчинишься – наша сделка будет разорвана».

Ничего, что-нибудь придумаю.

Я собрала в небольшую спортивную сумку несколько смен белья, чулки, гигиенические принадлежности, немного косметики и водрузила сверху теплую кофту. Сойдет для отвода глаз. Закинула сумку на плечо, крепко обнялась с мамой и вышла за дверь. Замок щелкнул, словно отрезая меня от привычной и понятной жизни. Впереди десять дней неизвестности. И лучше заранее о ней не думать.

Я вышла из дому, добралась до ближайшего супермаркета и сунула сумку в камеру хранения. Явлюсь к Алексу так, как он велел.

Пусть знает – я приняла правила этой дурацкой и жестокой игры.

Глава 6

Такси долго плутало по городу, терзая и без того натянутые нервы. С каждым метром проглоченной колесами дороги становилось все страшнее, и когда оно затормозило наконец перед воротами, меня уже трясло будто в лихорадке. Хотелось крикнуть водителю: «Гони обратно!» и оказаться как можно дальше отсюда. Я медленно расплатилась, еще медленнее повернула ручку и нехотя выбралась наружу. Дверца хлопнула, взревел мотор, и машина уехала, оставив меня один на один с неизвестностью. Я глубоко вдохнула и шагнула за ворота.

Не знаю почему, но я представляла себе дом Алекса совершенно иначе: как нечто из стекла, бетона и металла, современное, претенциозное, модное и жутко неуютное, подобно тому бизнес-центру, в котором находился его офис. Передо мной же стоял особняк, построенный в классическом стиле, добротный и основательный.

Асфальтовая дорожка стелилась через зеленую лужайку и утыкалась в широкое крыльцо, где распадалась надвое и разбегалась вдоль дома, ныряя то ли в высокие кусты, то ли в низкие пышные деревья. Справа она вела к стоянке для автомобилей, едва видимой сквозь заросли, налево – к площадке для барбекю. Вдоль всего забора от самых ворот курчавились точно такие же аккуратно постриженные кусты. Чем дальше от ворот, тем они становились выше, плавно перетекая в тисовые деревья, которые уходили за дом.

И было что-то такое изысканно-простое, такое умиротворяющее в этом особняке, что я невольно успокоилась. Казалось, сейчас зазвенят детские голоса, раздастся чей-то негромкий смех, потянет горьковатым дымком от барбекю…

Стоп, куда меня понесло? Детские голоса, может, и зазвенят. Не зря же невеста имеется. То ли певичка, то ли актриса. Красивая, вполне подходящая к

обстановке. Вот и будет стоять на ступеньках крыльца в обнимку с любящим мужем, наблюдать за выводком ребятишек, резвящихся на лужайке. А он будет исподтишка целовать ее в волосы… Не могу сказать, что эта картина меня порадовала. Впрочем, какое мне дело? Мне в этой истории уготована совсем другая роль.

Я решительно зашагала по дорожке, поднялась по ступеням и нажала кнопку звонка. Внутри рассыпалась мелодичная трель, и через какое-то время на пороге появился Алекс. Собственной персоной. Странно… В таком доме дверь должен открывать дворецкий. Ну или старшая горничная, как это было у нас.

Алекс щурился от брызнувшего с глаза солнца. Впервые за последнее время я видела его в джинсах и футболке, без строгого костюма и галстука. Сердце гулко стукнуло о ребра, внутри предательски сжалось. Сейчас он чем-то напоминал себя прежнего, того Алекса, которого я когда-то знала. И мне трудно было представить его жестоким и властным. Таким, каким он стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/stil_matil-da/tvoya-na-10-dney

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити